

Николай Васильевич Калачов

**Архив историко-
юридических сведений,
относящихся до России**

Книга II. Часть I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич Калачов**
Архив историко-юридических сведений, относящихся до России: Книга II.
Часть I / Николай Васильевич Калачов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
518 с.

ISBN 978-5-458-04904-7

ISBN 978-5-458-04904-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Издавая въ свѣтъ вторую книгу нашего сборника, мы считаемъ себя обязанными поставить на первомъ планѣ то лестное одобреніе, котораго онъ удостоился и въ печатныхъ и въ изустныхъ объ немъ отзывахъ. Конечно, такое общее сочувствіе должно приписать не столько достоинству самого изданія, сколько важному значенію близкихъ для Русскаго сердца предметовъ, коихъ изслѣдованію и разработкѣ посвящены разные отдѣлы «Архива»; но было бы несправедливо умолчать объ немъ, когда оно послужило поводомъ къ новымъ плодотворнымъ для науки разысканіямъ. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности тѣ *указанія, поясненія, поправки и дополненія*, какія вызваны были тѣми или другими статьями нашего изданія и высказаны въ рецензіяхъ. Съ этой точки зрѣнія они безспорно могутъ быть признаны какъ пріобрѣтеніемъ науки, такъ и пріобрѣтеніемъ нашего сборника,— и вотъ причина, почему мы рѣшаемся предложить ихъ читателемъ въ Предисловіи, впереди всѣхъ другихъ статей настоящей книги (*).

(*) Рецензій на 1-ю книгу «Архива» помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Въ *Отечеств. Запискахъ* 1830, т. LXX (№ 5), Отд. V стр. 1—28, статья *К. Д. Кавелина*. 2) Въ *Современникѣ* 1830 г., т. XX, Отд. III, № 4, стр. 43—74, статья *А. Н. Афанасьева*. 3) *Ibidem* 1831 г., т. I, Отд. III, стр. 24—29, *его же*. 4) Въ *Москвитинѣ* 1830 г. № 7, Отд. IV, стр. 71—84, статья *М. П. Погодина*. 5) *Ibidem* № 9, Отд. IV, стр. 29—30, статья *Θ. П. Буслаева*, подъ заглавіемъ: «Лингвистическое недоразумѣіе (М. П. Погодину)». 6) *Ibidem*, № 7, Отд. IV стр. 85—88, статья *Д. А. Шеппинга*, подъ загла-

Обратимся прежде всего къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя вызваны изслѣдованіями, помѣщенными въ 1-й книжкѣ «Архива,» и изъ нихъ стоящею на первомъ мѣстѣ статьею г. Соловьева: «Очеркъ правовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія».

Одинъ изъ даровитѣйшихъ рецензентовъ этой статьи, занимающійся преимущественно разъясненіемъ религіозныхъ вѣрованій нашихъ языческихъ предковъ, связываетъ разборъ свой съ разсмотрѣніемъ начала и развитія языческихъ вѣрованій у народовъ вообще и у Славянъ въ особенности. Этотъ самостоятельный трудъ, на сколько онъ пополняетъ, а отчасти и исправляетъ статью г. Соловьева мы приведемъ здѣсь вполнѣ.

віемъ: «Еще нѣсколько словъ о статьѣ г. Соловьева». 7) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1830 г., № 87, статья *К. С. Аксакова* подъ заглавіемъ: «Родовое или общественное явленіе былъ изгой?» 8) Въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія 1850 г., ч. LXVI, Отд. VI, стр. 138—174, ст. *А. А.* 9) Въ Сѣверной Пчелѣ 1850 г., 18 марта № 62, и 24 марта № 67, статья *Ө. Б.* 10) Въ Временникѣ, изд. Московск. Обществомъ Ист. и Древн Росс., 1831 г., кн XI, въ ст. князя *П. П. Вяземскаго* «Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ», стр. 34 и дал. сдѣланъ разборъ нѣкоторыхъ мнѣній Эверса, выраженныхъ имъ въ статьѣ, помѣщенной въ V отдѣлѣ «Архива» въ переводѣ. 11) Сюда же отчасти можетъ быть отнесена статья *К. С. Аксакова* въ Московскомъ Сборникѣ, изданномъ въ 1832 г., подъ заглавіемъ: «О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности». Сверхъ того въ Редакцію доставлены въ рукописяхъ два прибавленія: одно отъ *М. П. Канустина* (Дополненіе къ его Указателю книгъ, вышедшихъ въ 1848 г.), другое *А. Н. Афанасьева* какъ предисловіе къ его Указателю періодическихъ изданій. Имѣя въ виду воспользоваться изчисленными статьями для дополненія и исправленія статей, напечатанныхъ въ 1-й книжкѣ «Архива,» мы должны однако прибавить, что считаемъ здѣсь неумѣстнымъ отвѣчать на тѣ изъ мнѣній, выраженныхъ въ рецензіяхъ, которыя кажутся намъ невѣрными или недостаточно доказанными. Отвѣтомъ на нихъ будутъ служить новыя изслѣдованія касательно тѣхъ или другихъ спорныхъ предметовъ Русской Исторіи и Русскаго Права, которыя мы намѣрены помѣщать въ слѣдующихъ книгахъ нашего сборника.

« Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ , говоритъ г. Афанасьевъ (*), имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти вышнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на непосредственныхъ чисто естественныхъ условіяхъ. Впослѣдствіи приходятъ рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Изложеніе догматическое, котораго держался г. Соловьевъ, не представляетъ въ данномъ случаѣ такого интереса, какъ изложеніе историческое. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессъ ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осознательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устрашать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается ab ovo; какъ изъ непримѣтнаго зародыша вырастаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ Славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ успѣхи народнаго развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣлившіи себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишити пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полного и безогчетнаго подчиненія, и матерію, которая вскормила его собственной грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною,

(*) См. приведенную выше рецензію въ «Современникѣ»; » но въ нашей выпускѣ она вновь пересмотрѣна и исправлена самимъ г. Афанасьевымъ.

единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ чловѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая міеологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно, отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемаго при конечномъ развитіи язычества вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими успѣхами ума, условливаемыми наблюдательностію и новостію впечатлѣній, чловѣкъ начинаетъ знакомиться съ многообразіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ, и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ чловѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славянинъ былъ погруженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простоушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее чловѣку; въ ней видѣлъ онъ родное. Самъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, жадно всматриваясь въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старые, но дѣйственные лѣса. Первые наблюденія, первые опыты его ума принадлежали окружающему физическому міру, къ которому тяготѣли и религія чловѣка и его познанія; и та и другіе составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ духомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ Славянина столько теплаго, столько изящнаго!

Когда настала пора анализа, тогда болѣе уловимыя для впечатлѣнія силы природы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себя всю природу, какъ единую, мало по малу затемнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе, соединившіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ еще не утратилось совѣмъ преданіе о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, тамъ смѣло можно говорить о неразвитости язычества. Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Славянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: «да не имуть помощи отъ бога, ни отъ Не-

руна»; «да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна»; тоже преланіе занесено въ записки Прокопія и Гельмольда. Этого-то «бога» могли называть *старымъ, великимъ* (т. е. старшимъ), *прабогомъ* (случи: прадѣдъ); слѣдоват. его ставили въ родоначальники боговъ, за которыми потомъ оставляли названіе *прибоговъ*. Послѣ это старѣйшинство было перенесено на Сварога отъ снкр. *сварга* (*свар*—небо, *га*—хождение) — небесный (солнечный) путь. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ умъ человѣческій подмѣчалъ различныя проявленія элемента свѣта и тепла, понимаемаго имъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе, вносимое познающею способностію, не противорѣчило поэтическому чувству, которое все облекаетъ въ живой образъ. Дѣло ума поэтически выразилось въ естественной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ Сварога. Здѣсь — первый актъ обожествленія человѣческой субстанціи. Одни только отношенія и зналъ и понималъ человѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ перенесъ на божества, какъ отношенія, воспитывающія въ человѣкѣ нравственное чувство. Изъ классическаго мѣста Платоновской лѣтописи, указаннаго Шафарикомъ, ясно видно, что у Сварога былъ сынъ Дажьбогъ—солнце, отъ *дагъ*—день, дневной свѣтъ; *дажь*—прилагательное притяжательное. У Сварога былъ и другой сынъ; въ Словѣ Христіянина читаемъ: «и *огневи* молятся, зовутъ *Сворожичемъ*». Отецественная форма прямо указываетъ, что Огонь Сварожичъ былъ сынъ Сварога, братъ Дажьбога. И такъ Небо родило свѣтъ солнечный (небесный) и огонь. Объ этомъ родствѣ упоминается и въ статьѣ г. Соловьева; но отношенія между другими божествами оставлены имъ безъ объясненія. Такое опущеніе весьма замѣтно. Нельзя сказать, чтобы не было уже никакой возможности далѣе продолжать дѣло: есть нѣкоторыя данныя, которыя могутъ и должны быть приняты въ соображеніе. Прежде всего надъ спросить: какое мѣсто занимаетъ Перунъ въ іерархіи Славянскихъ боговъ? Г. Соловьевъ считаетъ Перуна тождественнымъ Сварогу; а г. Срезневскій — Сварожичу. Мы не можемъ согласиться съ обоими этими мнѣніями. Всѣми археологами Перунъ былъ принимаемъ за божество молніи, что подтверждаетъ и филологія: въ Польскомъ языкѣ *porun*—громовой ударъ, въ Литовскомъ *perkūnos*—громъ. Молнія—огонь небесный—не можетъ быть смѣшиваема съ Сварожичемъ—огнемъ земнымъ: это два совершенно различные виды. Равнымъ образомъ не одно и Сварогъ съ Перуномъ. Различныя филологическія значенія, выражаемыя въ ихъ названіяхъ, указываютъ на отдѣльныя олицетворенія небесныхъ божествъ. Сварогъ есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажьбогъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ молніи; какъ Дажьбогъ раз-

личесъ отъ Сварога, такъ и Перунъ: и тотъ и другой особенныя проявленія силъ природы (*).

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ *святѣлымъ* божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣлительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ покоѣ, предоставляетъ творчество и управленіе міра своему роду. Творческая, оплодотворяющая сила бога приписана Славяпиномъ Дажьбогу, безъ животворящихъ лучей котораго не возможно никакое развитіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь. Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце оживляетъ природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, *нечистую* силу божества, по повѣрью, разить молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ таже сила приписана и молніи. Сербская пѣснь говоритъ о гармоніи, данной міру молніею; а Хорутанское преданіе свидѣлствуетъ, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрятъ, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна. Только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздастся ударъ перваго грома, то всѣ спѣшатъ умыться водою, которая въ это время *молодитъ и краситъ лицо, даетъ здоровье и счастье*. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ. И Дажьбогу, и Перуну языческія вѣрованія приписывали одинаковое вліяніе на дѣторожденіе. Душа человѣческая почиталась животворною искрою небеснаго огня, а жизнь даромъ свѣтлыхъ боговъ. Дажьбога преданіе называетъ *дѣдомъ* всѣхъ людей; относительно же молніи оно даетъ намъ цѣлый рядъ сказаній о связяхъ огненнаго змѣя съ женщинами, о похищеніи имъ красавицъ. Отсюда, пожалуй, можно бы заключить о тождествѣ Перуна съ Дажьбогомъ; но и такое заключеніе будетъ поспѣшно. Оба явленія: свѣтъ солнца и сіяніе молніи представляютъ между собой много сходнаго, аналогическаго: отсюда произошла, во первыхъ, та тождественность, какая замѣчается въ культѣ того и другаго божества, и во вторыхъ та неопредѣленность, вслѣдствіе которой язычники верховное владычество въ мірѣ приписывали то солнцу, то молніи, — и только при

(*) О невѣрности отождествленія г. Соловьевымъ Перуна съ Сварогомъ говоритъ и г. *Шеллингъ* въ своей приведенной выше рецензіи въ Москвит. См. стр. 86—87.

болѣе полномъ развитіи язычества могла исчезнуть такая неопредѣленность (*).

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ *луни, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ*, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прямыя указанія на родственныя связи этихъ божествъ: *князь* (старшій) — солнце имѣеть *12 сыновей, которые живутъ на звѣздахъ*. Соляце, какъ источникъ жизни, представляется *молодымъ и прекраснымъ* юношею: оно сидитъ на *золотомъ* престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной *бѣлыми* лошадьми; ему прислуживаютъ *два солнышныя дѣвы*: *заря* утренняя и *заря* вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной Русской пѣснѣ *заря* пазвана *сестрой* солнца:

Заря-ль моя зоринька,
Заря, солнышова сестрица!

Утренняя *заря* выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога; потому въ Каринтіи ее называютъ *дѣжница*, т. е. утренница — слово, близкое съ денницей (Венерой). Эта звѣзда въ Сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрья, что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колядками, въ которыхъ отецъ—домовладыка—сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По Литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Также оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отнесла къ Дажьбогу и Черуну, приписывается преданіями и звѣздамъ. Въ половинѣ Февраля овчары окликаютъ звѣзды, испрашивая обильнаго плодородія овецъ: *«засвѣтись звѣзда ясная по поднебесью на радость, загорись огнемъ негасимымъ на утѣху. Ты освети, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ»*. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то *уродилось овецъ больше того*». Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ *Вслесъ* (*Волосъ*) получаетъ тѣсную связь съ божествами свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ «объ обожаніи соли-

(*) См. Соврем. 1832 г., N 10. Критика на I т. исторіи Соловьева, А. Афанасьева.

на у древнихъ Славянъ», утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе (*). Любопытно бы опредѣлить мѣсто, которое занималъ Велесъ въ ряду прочихъ божествъ; но едва ли возможно рѣшить это окончательно въ настоящее время. Изъ сравненія Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ и вовсе нѣтъ имени Велеса, въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волось. На тоже тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ *внукомъ*, ибо дѣдомъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія (**).

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной Сербской пѣснѣ солнцева сестра называется «мѣсечева пѣрвобрату чеда», т. е. племянница мѣсяца, слѣдоват. мѣсяцъ является дядею солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется *братомъ* солнца. Но изъ нашихъ колядокъ можно заключать, что мѣсяцъ почитается мужемъ солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя народныя преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный *сарафанъ* и *кокошникъ*; на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встрѣчу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворные лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погребаютъ Ладу (имя, придаваемое солнцу), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ прекрасно доказываетъ, что самое слово «солнце», въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода; въ древнихъ памятникахъ оно пишется «сѣльнице», — *це* есть суффиксъ существительныхъ ласкательныхъ и уменьшительныхъ, *сѣльнь* (солонь), оставшееся въ словѣ «посолонь», — женскаго рода (сличи: долонь, длань). Слѣдов. солнце, представляемое первоначально въ женскомъ полѣ, въ послѣдствіи перешло въ мужское олицетвореніе Дажьбога. Слово о Полку уже называетъ

(*) Также думаетъ и г. Кавелинъ въ приведенной выше рецензіи: «Самыя сомнѣнія, говоритъ онъ, въ славянистѣхъ Волоса показались намъ весьма произвольными; авторъ сомнѣвается потому только, что всѣ прочіе, изчисляемые Несторомъ, языческіе боги—стихійные, одинъ Волось богъ скота».

(**) Смотри о Велесѣ въ Соврем. 1852 г., № 10, Критика, стр. 24—25.

солнце господиномъ. Первоначальное представленіе солнца въ женскомъ полѣ имѣло связь съ болѣею непосредственностью челоѣка, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянинъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ *мать* сырую-землю, которая все производитъ изъ своихъ вѣдръ. — Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужскій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ; замѣчательно, что въ Литовской пѣснѣ солнце также представляется женою мѣсяца, который разсѣченъ Перуномъ на двѣ половины за то, что ночевалъ съ утренницею.

Въ такихъ образахъ Славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Челоѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоготворивъ, какъ благое, все связанное съ развитіемъ и жизнію, Славянинъ долженъ былъ инстинктивно отступить съ боязнію отъ всего, что было противно развитію и жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отличныхъ отъ явленій, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться внѣшняя, физическая природа. Когда скрывается благотворный свѣтъ солнца — наступаетъ темнота; иногда свѣтъ этотъ потемняется и днемъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный челоѣку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нимъ соединяется сонъ, образъ смерти; вѣчная тьма вредна произрастительности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это гибельное вліяніе; онъ вызываетъ челоѣка на непріятный трудъ строить жилище, заготовлять пищу и теплую одежду. Челоѣкъ долженъ поселиться у домашнего очага. Вотъ почему эти физическія явленія (мрака и холода) для Славянина были выраженіемъ силы недоброй, *нечистой* (*чистый* — свѣтлый, очищеніе въ религіозномъ смыслѣ). Будучи младенцемъ, находясь въ полной власти природы, Славянинъ обоготворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы челоѣка, а изъ естественныхъ физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первона-

начально все понимается съ ви́шней матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: *Бѣлбогъ* (бѣлый—свѣтлый) и *Чернобогъ*. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣтельствуя географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Холаковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о мифическомъ лицѣ *Бѣлунъ* (*). Филологія превосходно подтверждаетъ существованіе у Славянъ дуализма. Слова, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастья и красоты, тогда какъ слова, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: *красный* (красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ), прекрасный, краса, красота; *черный* — черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Со свѣтлыми, бѣлыми божествами Славянинъ признавалъ свое родство, ибо отъ нихъ ниспосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мертвятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятіе о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ «солнце» значитъ счастье; къ свѣтиламъ дня и ночи обращены всѣ заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, Солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить — пьтъ просятъ.

Слова: *жилой* (теплый), *зажиточный* (богатый), *зажило* (выздорѣлъ), *жизнь*, *жито*, и друг. имѣютъ одинъ корень, указывающій на связь этихъ понятій въ эпоху язычества.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что либо неспріятное или враждебное человѣку, слича слова: мракъ, мразъ (морозъ), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (туча), марать, смрадъ, смердѣть. Главнымъ олицетвореніемъ не-

(*) См. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр., 1846 г., кн. I, стр. 7—8.